

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Солодовников К. Н., Алексеева Е. А., Бородаев В. Б., Кирюшин К. Ю., Куфтерин В. В., Рыкун М. П., Слепцова А. В.* Комплексный палеоантропологический анализ скелета ребенка из неолитического погребения Усть-Алейка-5 в Барнаульском Приобье7
- Федорук О. А.* Мужские погребения с украшениями Андроновской (Федоровской) культуры (степной и лесостепной Алтай)32
- Гурулёв Д. А., Ершова О. В., Жу Ч.* Проблемы выделения и абсолютного датирования мезолитических комплексов в Нижнем Приангарье.....46
- Стоякин М. А.* Стремена Когурё на севере Корейского полуострова и Маньчжурии: тупик или эволюция?64

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Ягафова Е. А., Роговой А. С.* Этническая vs локальная идентичность чувашей в киберпространстве (по материалам социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники») 91
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Орлова И. В.* Инфекционные заболевания коренных народов восточной Сибири в конце XVIII — начале XX в.: источники распространения и основные меры борьбы107
- Мучаева И. И., Лиджиева И. В.* Кочевые инородцы на коронациях российских монархов в последней трети XIX в.: дары как свидетельства верноподданства 128

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Дашковский П. К., Зиберт Н. П.* Православные общины Западной Сибири в условиях антирелигиозной политики Н. С. Хрущева146
- Жанбосинова А. С., Лысенко Ю. А., Омурова Ж. О., Омарканова А. О.* Исламский фактор в содержании повстанческого движения казахского аула конца 1920 — начала 1930-х гг.166
- Ахатов А. Т., Тузбеков А. И.* Культ священной горы — Аулия Тау на Южном Урале: традиции и новации (по материалам экспедиционного выезда в Кугарчинский район республики Башкортостан в 2023 г.)186

ДЛЯ АВТОРОВ204

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Solodovnikov K. N., Alekseeva E. A., Borodaev V. B., Kiryushin K. Yu., Kufterin V. V., Rykun M. P., Sleptsova A. V.</i> An integrated study of the neolithic child skeleton from Ust-Aleika-5 Burial Ground, Barnaul Ob region.....	7
<i>Fedoruk O. A.</i> Male burials with jewelry of the Andronovo (Fedorovo) culture (steppe and forest-steppe Altai)	32
<i>Gurulev D. A., Ershova O. V., Zhu Z.</i> Issues of identification and radiocarbon dating of Mesolithic complexes in the Lower Angara region.....	46
<i>Stoyakin M. A.</i> Koguryo stirrups in the north region of the Korean Peninsula and Manchuria: deadlock or evolution?.....	64

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Iagafova E. A., Rogovoy A. S.</i> Ethnic vs local identity of the Chuvash cyberspace (based on materials of social networks VKontakte and Odnoklassniki)	91
<i>Dameshek L. M., Dameshek I. L., Orlova I. V.</i> Infectious diseases of indigenous peoples of Eastern Siberia in the 19th-early 20th centuries: sources of spread and main control measures	107
<i>Muchaeva I. I., Iidzhieva I. V.</i> Nomadic foreigners at the coronations of Russian monarchs in the last third of the 19th century: gifts as evidence of loyalty	128

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

FOR AUTHORS

<i>Dashkovskiy P. K., Ziebert N. P.</i> Orthodox communities of Western Siberia under N. S. Khrushchev's anti-religious policy.....	146
<i>Zhanbossinova A. S., Lysenko Yu. A., Omurova Zh. O., Omarkanova A. O.</i> The Islamic factor in the rebellion movement of the Kazakh aul at the end of the 1920s-early 1930s.....	166
<i>Ahatov A. T., Tuzbekov A. I.</i> Cult of the Auliya tau, sacred mountain in the Southern Ural: traditions and innovations (based on the expedition to Kugarchinsky district of the Republic of Bashkortostan in 2023)	186

FOR AUTHORS	204
--------------------------	-----

УДК 94:28] (574) «1920/1930»
DOI 10.14258/nreur(2024)3–09

А. С. Жанбосинова

Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Астана (Казахстан)

Ю. А. Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Ж. О. Омурова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек (Кыргызстан)

А. О. Омарканова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В СОДЕРЖАНИИ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАЗАХСКОГО АУЛА КОНЦА 1920 — НАЧАЛА 1930-Х ГГ.

Статья посвящена вопросам истории повстанческого движения казахского аула в 1920–1930-е гг. Предложенная тема интересна введением в научный оборот новых архивных материалов, отложившихся в фондах Специального государственного архива Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, Государственного архива Республики Казахстан, Государственного архива Актюбинской области, Государственного архива Восточно-Казахстанской области. Целью исследования является изучение исламского фактора в содержании повстанческого движения казахского аула. В результате проведенного исследования детализированы социальные корни и причины вооруженных протестов, доказано, что допускаемые властью перегибы способствовали расширению численности участников повстанческих групп. Несомненно, важную роль в вовлечении казахского аула в вооруженное противостояние сыграли процессы советизации, направленные на разрушение родо-иерархических институтов. Мусульманская атрибутика и идеи стали объединяющей силой вооруженных протестов в южном регионе. Анализ лозунгов и воззваний Сузакского восстания выявил ярко выраженную религиозную символику.

Ключевые слова: Казахстан, советизация, народные восстания, протесты, ислам, лозунги, воззвания, конфессиональные отношения, религиозная политика

Для цитирования:

Жанбосинова А. С., Лысенко Ю. А., Омурова Ж. О., Омарканова А. О. Исламский фактор в содержании повстанческого движения казахского аула Конца 1920 — начала 1930-х годов // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 166–185. DOI 10.14258/nreur(2024)3–09.

A. S. Zhanbossinova

L. Gumilev Eurasian National University, Astana (Kazakhstan)

Yu. A. Lysenko

Altai State University, Barnaul (Russia)

Zh. O. Omurova

Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek (Kyrgyzstan)

A. O. Omarkanova

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

THE ISLAMIC FACTOR IN THE REBELLION MOVEMENT OF THE KAZAKH AUL AT THE END OF THE 1920S — EARLY 1930S

This article explores the history of the Kazakh village's rebel movement during the 1920s and 1930s. The topic is particularly significant due to the introduction of new archival materials from the Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, the State Archive of the Republic of Kazakhstan, the State Archive of the Aktobe Region, and the State Archive of the East Kazakhstan Region. The study aims to investigate the role of Islamic factors in the context of the rebel movement within the Kazakh village. Through this research, the article details the social roots and causes of armed protests, demonstrating that government excesses contributed to an increase in the number of participants in rebel groups. The processes of Sovietization, which aimed to dismantle tribal and hierarchical institutions, played a crucial role in drawing the Kazakh village into armed conflict. Moreover, Muslim symbols and ideas emerged as a unifying force for the armed protests in the southern region. An analysis of the slogans and proclamations from the Suzak uprising reveals a strong emphasis on religious symbolism, highlighting the significance of Islam in mobilizing resistance.

Keywords: Kazakhstan, Sovietization, popular uprisings, protests, Islam, slogans, appeals, interconfessional relations, religious policy

For citation:

Zhanbossinova A. S., Lysenko Yu. A., Omurova Zh. O., Omarkanova A. O. The Islamic factor in the rebellion movement of the Kazakh aul at the end of the 1920s — early 1930s. *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No3. P. 166–185 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3–09.

Жанбосинова Альбина Советовна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана (Казахстан). **Адрес для контактов:** sovetuk@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Омурова Жамыйкат Орозбековна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек (Кыргызстан). **Адрес для контактов:** jamyikat2012@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>

Омарканова Асель Омаркановна, аспирант Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** asel_omarkanova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6671-8013>

Zhanbossinova Albina Sovetovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Eurasian National University named after L. N. Gumilev, Astana (Kazakhstan). **Contact address:** sovetuk@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Lysenko Yulia Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University. **Contact address:** iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Omurova Jamyikat Orozbekovna, doctor of sciences (History), professor, Regional and Kyrgyz studies Department, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan). **Contact address:** Jamyikat2012@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>

Omarkanova Assel Omarkanovna, postgraduate student Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). **Contact address:** asel_omarkanova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6671-8013>

Введение

История повстанческого движения — одна из востребованных научных тем советской эпохи ввиду наличия множества интересных научных лакун, имеющих междисциплинарный характер. В советский период указанная проблема находилась вне поля зрения не только из-за закрытых фондов спецархивов, но и в целом партийного табу на ее разработку. В 2020 г. проблема народных восстаний в Казахстане обрела второе дыхание, что было связано с началом работы Государственной комиссии по реабилитации, инициированной К. Токаевым, и второй «архивной революцией», связанной

с рассекречиванием документов, отложившихся в Специальном государственном архиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан.

Первая «архивная революция» приходится на конец XX в., когда был вскрыт значительный пласт документов казахстанских и российских архивов, внесших свежую струю в историю изучения 1920–1930-х гг. Экономическая модернизация сельского хозяйства и последующие за ней преобразования в традиционной системе кочевого хозяйства казахов с допущенными массовыми нарушениями социалистической законности, перегибами вызвали волну негодования сельского населения, в том числе и повстанческое движение казахского аула.

Актуальность предложенной темы несомненна в фокусе введения в научный оборот совершенно новых источников. Несмотря на публикацию колоссального объема архивного материала по истории вооруженных протестов советской деревни и аула, многие интересные тематические блоки выпали из поля зрения ученых. На текущем этапе, на наш взгляд, качественное осмысление архивных источников, исследовательский анализ нового фактологического материала может расширить проблемное поле и дать исследовательский толчок совершенно новым направлениям, как например не содержание восстания, а его сопровождающую часть — религия, персоналии, вооружение, порубежные пограничные связи и пр. Предтечей вооруженных конфликтов стали процессы советизации, вторгнувшиеся аульную систему коммуникативных связей.

Следует отметить, что 1920–1930-е гг. стали экспериментальной площадкой для реализации программы социально-экономической модернизации в сельском хозяйстве. Казахский аул с кочевым укладом, далекий от понимания новых советских ориентиров, продолжал находиться под влиянием и управлением родовых авторитетов. Соответственно, программа советизации аула Ф. Голощекина, советская избирательная система с выборами в аулсоветы, по сути, не привела к кардинальным изменениям. Классового противостояния в ауле не случилось, однако столкновение двух совершенно различных систем мировоззрения произошло. Первая иступлено боролась за строительство совершенно нового мира, насильственными мерами внедряя коллективизацию и седентаризацию, а вторые сопротивлялись нововведениям, защищая свой старый мир.

Угроза конфискации, выселение, разрушение семьи стало основой недовольства и протестных настроений в ауле, в том числе религиозных, обусловивших феномен «культуры сопротивления», аул высказался «в полный голос» [Виола, 2010: 13]. Во главе сопротивления аула оказались родоуправители, баи, служители культа.

Несомненно, народные восстания / повстанческое движение — вполне закономерные явления для деревни, аула в целом. Крайне тяжелые условия деревенской жизни, постоянное насилие государственной власти «...отстаивание крестьянами своего варианта развития сельского хозяйства...» вынуждало их пойти на крайние меры, с оружием в руках защищать свои интересы [Кондрашин, 2001]. Тематика повстанческого движения получила отражение во многих публикациях текущего времени, однако наиболее полный критический анализ насильственных методов коллективизации и их последствий вооруженных восстаний были рассмотрены Н. Ивницким и В. Кондрашиным [Ивницкий, 1996; Кондрашин, 2001; Первая заповедь, 2016].

Работы отдельных российских историков, профессионально занимающихся религиозной тематикой, посвящены анализу двойственной политике советской власти по отношению к религиозному культу, принятия различных законодательных актов, ограничивающих права церкви, изъятию и конфискации церковных ценностей с постепенным усилением карательных функций государства в отношении церкви [Дашковский, Зиберт 2016], использовании юридических норм в реализации антирелигиозной политики в русской деревне, что способствовало закрытию церквей и молитвенных домов [Алешкин, 2012].

В рамках нашего исследования в первую очередь нами выделены работы, затрагивающие проблемы религиозной и антирелигиозной политики советского государства в Казахстане. Есть достаточно интересные и значимые монографии, диссертации и научные публикации. Эволюция постепенных изменений религиозной политики в отношении ислама и мусульманского населения с первых дней советской власти до и после принятия постановления ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. прекрасно продемонстрирована Г. Мухтаровой. Содержание диссертации поэтапно показывает, как аул адаптировался к закрытию мечетей, исполнению традиционной религиозной обрядности и как это в совокупности влияло на эмоциональные настроения населения [Мухтарова, 2007].

Дополнением к содержанию работы Г. Мухтаровой служат статистические показатели в динамике, приведенные в исследовании Н. Нуртазиной [2008]. Роль и место ОГПУ-НКВД в демонизации мусульманства, превращение его в «контрреволюционный элемент» продемонстрированы Г. Алпысбаевой [2022].

Причины, этапы и содержание повстанческого движения казахского аула наиболее полно получила освещение в трудах двух казахстанских профессионалов указанного направления, к сожалению, безвременно ушедшего Т. Омарбекова [2018], Т. Алланиязова [2022; 2009]. Каждый из указанных ученых внёс самый значимый вклад в историю повстанческого движения, разработал методологические концепты, историографию процесса изучения истории крестьянских выступлений, дал характеристику движущих сил, содержания и форм противодействия крестьянских масс и пр.

Классиком истории крестьянских восстаний по праву можно считать Л. Виолу. Совершенно иной фокус оценки и интерпретации использованных ею источников и материалов позволил ввести значительный объем фрагментов устной истории, воззваний и листовок повстанцев, в том числе затронувших фактор религиозных ценностей повстанцев [Виола, 2010]. Как сосуществовали сельские коммунисты с религиозными служителями культа в русской деревне, как справляли религиозную обрядность на похоронах и прочее, показала Ш. Фицпатрик [Фицпатрик, 2010], что аналогично аульной повседневности.

Краткий обзор работ, имеющих прямое и косвенное отношение к исследуемой проблеме, позволяет утверждать, что вне поля зрения ученых остались вопросы, которые требуют более детального исследовательского поиска. К их числу относятся региональные особенности и специфика повстанческого движения, анализ политической платформы, идеология в фокусе лозунгов и листовок. К сожалению, практически нет работ историков, в том числе и казахстанских, посвященных анализу религиозных лозунгов и воззваний, использованных повстанцами казахских аулов.

Адекватный анализ характера, существа и направленности рассматриваемых нами народных выступлений позволит не только верно понять суть данного социально-исторического явления, но и объективно оценить его место и роль в полной драматизма истории коллективизации Казахстана.

Очень важно понять природу конфликта и противостояния власти – народу, народа – власти; организационную, социальную и идейную основу протеста; выявить общественные настроения аула/села, их восприятие и отношение к советской власти; к проводимой экономической модернизации. Целью исследования, представленного в данной статье, является изучение исламского фактора в содержании повстанческого движения казахского аула.

Источники и методы

Источниковой основой нашего исследования стали материалы, выявленные в фондах Архива Президента Республики Казахстан (далее АП РК), Государственного архива Актыубинской области (далее ГААО), Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ) а также областного архива Восточно-Казахстанской области (далее ГВКО).

Нами впервые введены в научный оборот документы Специального Государственного архива Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ РК), Департамента полиции города Алматы (СГА ДП г. Алматы) и ВКО (СГА ДП ВКО). Фонд 9, где отложились документы Полномочного представительства ОГПУ (далее ПП ОГПУ) в Казахстане, имеет множество форматов донесений, начиная с обзоров, докладных записок и т. д. до собранных материалов по конкретному восстанию.

В девятом фонде отложились оперативные сводки по борьбе с «бандитизмом», подготовленные сотрудниками информационного отдела докладные записки касались разных регионов Казахской автономии. Практически каждая сводка освещала вопросы, связанные с настроениями населения и политической ситуацией, в том числе давался детальный анализ так называемых бандформирований.

Особое внимание привлекло дело «Воззвания и другие материалы по Сузакскому восстанию» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 474]. Это единственное дело, где сохранились копии воззваний. Воззвания повстанцев были написаны арабской вязью. Перевод документов на русский язык заверяли сотрудники ОГПУ КАССР Логачев и Туманов. Выявленные архивные источники в СГА КНБ РК с сопроводительным письмом А. Альшанского, адресованного командующему войсками САВО П. Дыбенко, с приложенными 132 документами из ханского штаба С. Шолакова, задержанного во время ликвидации басмачей в Сузакском районе, были направлены в Москву. В настоящее время оригиналы документов хранятся в Российском государственном военном архиве (далее РГВА) [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 876. Л. 1–11].

Для полноты и достоверности общей картины исследования все вышеперечисленные источники изучались в совокупности, а выявленный научный массив источников создал необходимые предпосылки для реализации исследовательской тематики.

Концептуальные методологические подходы социальной истории послужили основой нашего исследования, так как в фокусе авторского внимания находятся две структуры: кочевая аульная община, с одной стороны, органы советской власти — с другой. Изначально заложенное противостояние традиционности новому, классовый ранжир

советского общества являлся основой конфликта, который мог быть вооруженным, иметь обычную манифестацию мирного шествия и т. д., но он обязательно должен был случиться. Взаимодействие двух структур и их противостояние рассматривались с учетом нескольких факторов, в первую очередь междисциплинарным. Сочетание аналитических приемов, количественных и качественных методов источниковедения, устной, военной истории, антропологии и религиоведения позволило избежать стереотипного подхода и оценок исследуемой проблематики.

Результаты исследования

Массовые протестные вооруженные выступления приходятся на 1929–1931 гг. По данным исследователей, состоялось 397 выступлений, в том числе 25 вооруженных, в которых участвовали около 80 тысяч человек [Алланиязов, 2022: 99].

Казахская автономия как по горизонтали, так и по вертикали находилась в огне восстаний. Характерными факторами народных восстаний и условиями, в которых они протекали, были:

- значительные территории (степь, пески, горы, леса, озера, реки) с большими расстояниями, отсутствие коммуникаций, дисперсное (рассеянное) состояние, т. е. множество мелких повстанческих формирований, возможности быстрых пограничных переходов;
- сочетание массовых откочетов в приграничные территории Туркмении, Узбекистана, Китая, Монголии, России вместе с активным сопротивлением власти объединенными силами туркменских, узбекских повстанцев, а также совместные групповые операции с закордонными отрядами;
- очень сильные родоиерархические связи с ярко выраженным трайбалистским началом и лозунгами («Адай для адаевцев» и пр.);
- активное массовое участие большей части сельского мужского населения (аул/деревня) вне зависимости от этнической принадлежности.

В нарастающем недовольстве политикой советской власти имелось несколько подводных течений, отражающих своеобразие текущей социально-экономической и политической ситуации Казахской автономии. В общем потоке выделим: процессы советизации, запущенные Ф. Голощекиным, активизировавшие родо-иерархические таласовки (группировочная борьба) в период проведения избирательных кампаний в низовые органы власти; допускаемые перегибы и насилие во время ведения политики экономической трансформации аула; обострение земельно-водного вопроса и этнического противостояния в южных регионах.

Особенность советского строительства в казахском ауле заключалась в отсутствии классовой борьбы между бедными слоями и богатыми, но в наличии скрытого потока родо-группировочной борьбы. Родовые узы не позволяли бедняку выступать против родового авторитета, бая. Среди казахского населения влияние байства на бедняцко-батрацкий слой опирается на быт и обычай почитания старейшин и богатых, подкрепляемых исламизмом. В этом влиянии не исключались методы и активного выступления байства, и даже избиения непокорных, осмеливающихся возражать против проводимой байством политики. В основе родо-группировочной вражды было огромное желание захватить место в советах тем или иным родом. Родовая борьба в большинстве

возглавлялась баями и атаманами, которые проявляли свое руководство и через членов Союза Кошчи. В противовес родовым байским авторитетам советская власть выстраивала организации бедноты и середнячества в единый блок. Однако даже внутри созданных союзов на классовых принципах шло родовое противостояние, что было замечено и заявлено Ф. Голощекиным — «октябрьская революция прошла мимо аула...»

Коллективизация сельского хозяйства в Казахской автономии отягощалась неурегулированностью вопросов землепользования в районах со смешанным национальным составом. Вкупе с систематическими межэтническими стычками казахов с русскими, узбеками по земельным спорам, возникали конфликты по этническому признаку, связанные с административным устройством, в Ташказакском, Туркестанском, Чимкентском, Казалинском уездах Сыр-Дарьинской, Джетысуйской губерний и северных регионах Казахстана. Особый накал страстей случался ввремя кампании по переделу сенокосных и пахотных угодий, выборов в низовые органы власти, порой дело доходило до взаимных побоищ, нередко до убийств. Сводки ПП ОГПУ отмечали активную агитацию мусульманского духовенства с вовлечением населения в религиозные общины и неприемлемостью вступления населения в союз Кошчи. До начала массовых вооруженных восстаний на территории губерний Казахской автономии на постоянной основе действовали мелкие «бандформирования», «бандшайки», занимавшиеся грабежом, насилием, контрабандой и скотокрадством. Указанные процессы, несомненно, оказали влияние на содержание и качество повстанческого движения в исследуемый нами период. Исламская риторика вооруженного конфликта подкреплялась недовольством казахского аула советской властью из-за допускаемых ею перегибов в проведении заготовительных кампаний, конфискации и выселении байства, насильственной седентаризацией.

В совокупности социальные корни и причины вооруженных протестов крылись в игнорировании традиционной социально-экономической структуры казахского общества, в насильственном насаждении таких инаковых хозяйственных форм, как колхозы, оседание кочевых хозяйств, обобществление и пр. Допускаемое властью насилие увеличивало численность повстанцев и расширяло его социальный состав. Роль ведущей скрипки в росте протестных настроений казахского аула сыграла антирелигиозная политика власти, которая объединила мусульманское население южных губерний Казахской автономии.

Октябрьский переворот и последующее «триумфальное шествие советской власти» на окраинах требовало подтверждения лояльности к традиционному азиатскому устройству, в том числе выражение пietetа к религиозным воззрениям. Двойственность политических действий молодого советского государства объяснялась как геополитическими задачами не потерять Среднюю Азию, так и меркантильными, заключающимися в необходимости привлечения тюркских народов бывших мусульманских окраин Российской империи к советскому строительству. В сравнении с политикой по отношению к церкви с учетом секретного письма Ленина от 19 марта 1922 г. об изъятии ценностей, мусульманское духовенство имело на начальном этапе некоторые послабления. Выделим пошаговые действия или уступки в отношении мусульманского религиозного культа.

Первый шаг — проведение краевого мусульманского съезда в 1917 г. Полагая, что задача съезда — не только красиво вернуть «Священный Коран Османа», но и продемонстрировать, с одной стороны, торжество справедливости по возврату конфискованной от предыдущей власти Романовых, а с другой — данный популистский шаг должен был стать свидетельством признания ислама и его поддержки советским правительством.

Второй шаг — это административно-правовое оформление политических уступок. Эмоциональный фон, истоки которого уходят в содержание съезда, закрепился созданным внутри Наркомата национальностей Мусульманского комиссариата во главе с М. Вахитовым с дополнительными отделами в Верном и Семипалатинске [Песикина, 1950: 156]. Учитывая численность и географию расселения мусульманского населения, были созданы с ограничением территории Комиссариат мусульман внутренней России и Сибири, а также отдельная Коллегия для мусульман Ближнего Востока.

Третий шаг стал уникальным по содержанию, большевики / коммунисты попытались легитимизировать свое право на власть, опираясь на 15 положений шариата, встраивая мусульманскую традициональность в идеологию большевизма. Проект «советских шариатистов» поддерживали верхние эшелоны власти, о чем свидетельствует объявление пятницы с разрешения С. Пестковского выходным днем для сотрудников Мусульманского социалистического комиссариата и празднование Курбан-мейрам [Тахиров, 1997: 5]. Для празднования Курбан-Байрам сотрудники-мусульмане освобождались от занятий на один день, а мусульмане-красноармейцы на четыре дня [Алпысбаева, 2022: 7–24].

Отсутствие конкретных пограничных линий в реализации религиозной политики, шараханье из одной колеи в другую приводило к политическим казусам. Если к православному духовенству применялись жесткие репрессии, то в отношении служителей мусульманского культа инструктивное письмо Наркомнаца РСФСР запрещало применение каких-либо репрессий, а также закрытие богословских школ, содержащихся за счет добровольных пожертвований частных лиц [Вишневский, 1990: 44].

Широкие степные просторы, далекие от центральной власти способствовали сохранению в аулах неизменных религиозных традиций. Статус аульного коммуниста не запрещал посещение мечети во время Уразы для жертвоприношения, общение с духовными лицами во время проведения религиозных ритуалов, при этом в аулах действовали нелегальные религиозные школы, на которые аульная власть закрывала глаза [АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 347].

Противоречия между властью и религией лишь нарастали, идеология «консервативной модернизации» исключила религию, поставив ее вне государства. Декларация свободы и совести, с одной стороны, и ее ограничения с другой, подкреплялись правовым полем. На деле же вопросы реализации религиозной политики в ауле приводились административными методами, сопровождалась насильственным закрытием мечетей. Несмотря на то, что партийные инструкции предостерегали закрывать мечеть, не изучив предварительно настроение жителей аула. В случае явного проявления массового недовольства партия рекомендовала отказываться от идеи закрытия культовых зданий [АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2434. Л. 6–7].

Точкой невозврата стал 1929 г., когда 8 апреля состоялось принятие постановления «О религиозных объединениях». С этого момента каждый шаг служителей религиозного культа соотносился с распланированным алгоритмом законодательного акта.

В случае обращения к статистическим данным истории религиозного культа, можем отметить, что из 1630 молитвенных домов в Казахстане за 1918–1931 гг. было закрыто 47,9% мечетей. Согласно сведениям ВЦИК, в 1931–1933 гг. работали 879 культовых зданий, из них 499 мечетей, что составляло 56,7%¹ [Мухтарова, 2007:163]. За 1929–1931 гг., по мнению Н. Нуртазиной, всего закрыто 198 мечетей и церквей [Нуртазина, 2008: 14].

В 1929–1930 гг. были закрыты 45 мечетей в Тайпакском районе Уральского округа и 14 мечетей в Батпакаринском районе Кустанайского округа [Алдажуманов, 2005: 68].

К сожалению, мы не имеем абсолютных данных о количестве мечетей в различных округах Казахстана в исследуемое время, однако некоторые цифры можем упомянуть. Например, до 1917 г. в Семипалатинском округе насчитывалось 12 мечетей, в 1929 г. упоминается об изъятии 10 мечетей [ГАВКО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 208. Л. 2, 3а, 4, 5]. О численности служителей культа имеется информация ОГПУ. Например, в Усть-Каменогорском мухтасибском районе в 50 аулах существовало такое же количество приходов с 88 служителями культа — 50 имамов и 38 муэдзинов. Из указанного количества в 1931 г. остались два служителя культа [История..., 2010: 173]. В Иргизском районе было закрыто семь мечетей, причем они пустовали или занимались под склады [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 472. Л. 4].

Вопиющий случай зафиксирован в Петропавловском округе, где Бейнеткаринскую мечеть передали местному колхозу с новым функционалом хранения утильсырья. В ответ на массовое недовольство мусульман местная власть в лице председателя, забрав Коран из рук верующих, бросил святую книгу в угол с мусором [ГАРФ. Ф. 1125. Оп. 141. Д. 766. Л. 71].

Воинствующий атеизм и крайние формы антирелигиозного вандализма активно проявлялись при разрушении или закрытии всех мечетей, молитвенных домов и церквей, находящихся в сельских районах, в преследовании служителей культа. Возмущение жителей вызывало не только закрытие мечетей, но их использование под хозяйственные нужды, например, арестное помещение, зерновой склад, канцелярию (Кзыл-Ординский округ). Протестующих мусульман арестовывали решением секретаря районного ВКП (б), освобождали только в том случае, если последние давали обязательство впредь на жаловаться [ГАРФ. Ф. 1125. Оп. 141. Д. 766. Л. 72 об.].

Местная власть, по сути, нарушала все пункты постановления 1929 г. Так, без санкции КазЦИКа закрывались мечети в аулах и селениях, при этом вопрос использования молитвенных зданий отдавался на откуп местному населению, т.е. жители административного аула, не лишённые избирательных прав, разрешали вопрос отобранной или закрытой мечети самостоятельно.

В Сузаке (Сырдарьинский округ) при изъятии в административном порядке одной из лучших мечетей был сбит и пробит пулями полумесяц. Вначале планировали оборудовать в данном здании клуб, для чего у некоторых ишанов отобрали ковры, кош-

¹ Процент подсчитан авторами.

мы, но затем вместо клуба в мечети организовали ссыпной пункт. Всего в районе было закрыто в административном порядке 6 мечетей [ГАРФ. Ф. 1125. Оп. 141. Д. 766. Л. 71].

Несмотря на то, что ликвидация зданий религиозного культа, т. е. мечетей, церквей и подобного, находилось в прерогативе КазЦИКа, ни окрисполком, ни тем более РИК и сельсовет не имели права на закрытие, на местах здания просто изымали у верующих как пустующие, бесхозяйственные. В Семипалатинске таким способом были изъяты мечети, построенные Хамитовым, Мусиным, баем Мухамеджаном и др. [ЦДНИ ВКО. Ф. 1607. Оп. 2. Д. 2. Л. 499]. В 1929 году без постановления, незаконно в аулах изымались мечети, выстроенные населением, в поданной ими жалобе указывалось, что мечети закрывались решением меньшинства [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 475. Л. 30]. В Ак-Булакском районе, в поселке Сазда, поселковый актив, не считаясь с мнением верующих, закрыл церковь. В знак протеста была организована «демонстрация антисоветского характера» [ГААО. Ф. 63. Оп. 2. Д. 100. Л. 310]. В Кокпектах Семипалатинского округа по инициативе местной власти хотели закрыть единственную мечеть, куда приходили и приезжали жители близлежащих аулов, ее закрытие было запрещено на уровне КазЦИКа [ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 21рсч. Д. 82. Л. 33].

Мусульманскому населению запрещали соблюдать пост и проводить молебны, в случае нарушения ими приказа поступали угрозы обложения пшеницей. Текущая повседневная ситуация получила отражение в документе по Иргизскому восстанию. Мы приводим его полностью, так как его содержание отражает действительное положение дел, характерное для всего Казахстана:

«Почему мы подняли восстание? Причины, вынудившие нас к восстанию, следующие: 1) Религия, 2) Мечеть, 3) Запрещение соблюдения уразы, намаза, 4) Высылка наших людей по разным причинам. [Мы] не выражали никакого недовольства против призыва в Красную армию, против взимания налога.

Возмущает нас нижеследующее:

1) Хлеб не уродился, но обязывали нас сдать хлеба и [неразборчиво] мы почему-либо не смогли выполнить, подверглись мы высылке – разве это правильно?

Было ли когда ни будь подвергнуты гонениям религию? Начиная со времен Иисуса (Христа) кто-нибудь отрицал наличие бога?

За произношение слова «Кудай» – наложили нам 40 пудов.

За слово «алла» – шесть пудов.

За слово «слава Аллаху» – девять пудов.

За 30 дней Уразы – 30 пудов.

За 5 намазов – 5 пудов.

Это разве правильно?

Нужно такое правительство уничтожить.

В других государствах бывают разные события, было ли когда-нибудь поставлено на обсуждение, чтобы упразднить все религии и ввести вместо их одну религию.

Все эти выдвинутые мною вопросы обсудите и о результатах сообщите мне. Как будете обсуждать эти вопросы, договоритесь сами.

Вот по вышеуказанным мотивам, мы и подняли восстание» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 470. Л. 2–2 об.].

Подтверждением вышесказанному является фрагмент допроса участника Сузакского восстания С. Джакупова, последний отметил, что открытое вооруженное выступление в Сыр-Дарьинском округе и других произошло на основе нетерпимого отношения со стороны местных партийных органов к религии, к исламу.

«Мы весь казахский народ беспрекословно выполняли все государственные мероприятия... Но как только местная власть начала издеваться над религией, стала запрещать нам молиться богу, самовольно занимать выстроенные нами мечети под советские учреждения, штрафовать тех, кто держал уразу и т. д., мы ишаны, муллы и баи, верные идеям религии ислама, решили открыто выступить против советской власти...» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 527. Л. 86].

Повстанческое движение развивалось в тесном переплетении с исламом, о чем свидетельствуют архивные источники.

Отметим, что в Казахстане в период повсеместных восстаний можно выделить две тенденции: первая — религиозная риторика восстаний, для которой характерно использование определенных мусульманских ритуалов; вторая — более радикальная, когда речь идет о целеполагании восстания, в результате которого возможно установление мусульманского ханства. Первая тенденция имела массовый характер во всех повстанческих отрядах, вторая была характерна для южных регионов.

Насколько важное значение имел исламский фактор в народных восстаниях, свидетельствует сопровождение организации повстанческих отрядов и начало вооруженных действий, совершением определенных религиозных ритуалов, как например: чтение обязательной молитвы, произношение родовой клятвы перед Кораном, жертвоприношение. В честь победы повстанцев и в случае захвата каких-либо административных центров организовывались моления в мечетях. На нелегальных собраниях участники предстоящего восстания принимали Бата¹. Данный факт упоминается практически во всех материалах архивно-следственных дел участников восстаний, а также в оперативных сводках ОГПУ. В интерпретации указанных документов Бата представлена как мусульманская клятва, как согласие присоединиться к повстанцам. Так, Коптагаев Садыкпай — активный участник нелегального собрания в селении Кок-Тюбе, где принималась бата, на нелегальном собрании обещал руководителям восстания в Кастекском районе организовать в Кок-Тюбе вооруженный отряд [СГА ДП г. Алматы. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1324. Л. 6].

Символом несокрушимости восставших являлся мусульманский белый флаг с цитатой из Корана, который развевался над повстанческими отрядами и устанавливался в центре занятого ими административного центра. В Кунградском районе проводилась организационно-подготовительная работа к выступлению против советской власти под лозунгами защиты ислама в качестве ответа на насилие, совершаемое в отношении мусульманской веры [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 477. Л. 69]. В планах повстанцев Тургайского и Наурзумского районов Актюбинского округа было намечено создание ханства после победы над коммунистами и возвращение в школы преподава-

¹ Бата — национальное благословение, которое выражается в наилучших пожеланиях и добрых напутствиях.

ние Корана и содержание духовенства [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 477. Л. 84]. На белом флаге повстанцев, с которым они наступали на Аксу, было написано: «Путь — религия, весь род Матай будет защищать религию до гроба» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 527. Л. 6].

Одним из примеров совершаемого насилия в отношении к этническим казахам — советским партийным работникам — заставить их молиться в мечети. Пойманного председателя РИКа остригли и повели в мечеть к мулле, где учили его произносить молитву [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 463. Л. 15]. В Кустанайском округе нажим на баев и имамов, закрытие ряда мечетей, привело к сожжению райсовета. Ранее этот дом принадлежал имаму и был у него конфискован [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 477. Л. 71].

Религиозная тематика получила отражение в ее символах, как например, в Сары-Суйском районе формировался мусульманский отряд, возглавляемый баями, муллами, ишанами. Муллы и ишаны во время молебна в мечети призывали мусульман к защите своей религии, к выступлению против «русских коммунистов». В Сары-Суйской мечети, согласно фрагментам протокола допроса, «...мусульмане... молясь богу в мечети, дали клятву аллаху (богу), что они выступят против русских коммунистов, защищая свою мусульманскую религию и будут бороться до последней крови» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 551. Л. 414].

В данное исследование не входила задача дать социально-антропологический анализ противоборствующих вооруженных сил, но вместе с тем отметим, что Сузакские повстанцы, возглавляемые родовым старшиной Султанбековым, первым делом разгромили все районные, партийные, советские учреждения. Убили председателя РИКа, секретаря райкома партии, народного судью, арестовали 15 коммунистов и советских служащих, устроив им показательный суд. В аулах многие председатели советов перешли на сторону повстанцев, некоторые из них были избиты, отдельные клялись больше не выступать против баев. Последующий анализ ПП ОГПУ итогов операции показал, что «в Сузаке было убито 34 партийных и советских работников, ... в большинстве своем европейцев» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 552. Л. 405]. Сузакское восстание вполне можно отнести к радикальному мусульманскому движению, где родо-иерархические и мусульманские принципы были ярко выражены и получили отражение в материалах ведомственных архивов. Только в предварительных донесениях, еще не оценив масштаб Сузакского восстания, ОГПУ сообщало об активном участии мулл, об избрании ханом Султана Бек Шонакова, о численности повстанцев в 400 человек.

Первым делом восставшими был совершен религиозный обряд, принесена клятва, на чалму и руки надели белые повязки, повстанцы имели белые флаги. Выступление шло под лозунгом священной войны с советской властью, т. е. был объявлен джихад. На головных уборах и белых повязках на руках, флагах были написаны изречения из Корана, наиболее распространенное: «Во имя бога, нет бога кроме единого бога, Магомет посланник пожертвуй собой во имя религии».

После захвата Сузака повстанцы заявили, что советская власть развращает женщин, и издали приказ о ношении паранджи всеми женщинами завоеванной территории [ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 59. Л. 12, 18]. О масштабности планов участников восстания свидетельствовала речь ее лидера: «Мы думаем сначала захватить Сузак, пере-

бить там всех коммунистов и советских работников, а затем в Туркестан...». В случае занятия Туркестана предполагалось уничтожение всех коммунистов Сыр-Дарьинского округа, далее продолжить наступление на Акмолинский округ и совершить аналогичные действия там [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 551. Л. 415]. Стратегические планы не ограничивались двумя округами, повстанцы намеревались захватить рудник Жезказган, что позволяло им обеспечить свои отряды оружием. Возможность создания мусульманского ханства и спокойное правление мусульманского хана было возможно только в том случае, когда Сузакские повстанцы «...перебьют всех коммунистов ...», и только тогда на земле будет «царствовать мусульманский хан, будет широко открыта дорога религии; налогов платить не будем, также не будем сдавать хлеб...» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 551. Л. 415].

С целью привлечения на свою сторону населения повстанцы активно распространяли слухи о захвате Ташкента, Чимкента, Туркестана, о помощи им с стороны Афганистана, Китая и др. [ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 59. Л. 18].

Оценка столь специфичной ситуации прозвучала в делах ОГПУ о деятельности «контрреволюционных религиозных организаций». В фокусе обзоров оказались мусульмане, православные, старообрядцы [СГА ДП ВКО. Ф. 1. Д. 3323. Л. 10]. Большинство докладов по оценке деятельности «бандшаек» отмечало, что «...недовольные массы казакского народа в целом ряде районов попали под безграничное влияние мулл, ишанов, баев...» ... Центр движения, очевидно, возглавлялся духовными лицами, так как во главе всех бандитских шаек стояли исключительно муллы (ахуны и хазреты). В Иргизском и Аральском районах из шести банд четыре возглавлялись: первая — Мукатаем Саматовым, ахун-мулла, т. е. мусульманским архиереем; вторая — Исатаем Сатыбалдиным, мулла, имевший три мечети, т. е. вроде благочинного попа; третья — Джумагазы - муллой Баимбетовым, главой религии в Кара-Кумах, четвертая — Ак-Мурзы муллы [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 472. Л. 2].

В фондах ведомственного архива СГА КНБ и Российского архива военной истории отложились религиозные материалы агитационно-пропагандистской деятельности руководителей Сузакского восстания, они были обнаружены при подавлении восстания в ханском штабе. Рукописный текст был написан арабской вязью и переведен на русский язык сотрудниками ОГПУ, сопроводительное письмо сообщает о возможных погрешностях перевода. В шести обнаруженных воззваниях речь идет о необходимости борьбы за религию с призывом отдать жизнь в священной войне (газават), так как настало время защитить религию и шариат, «...ибо впоследствии окажетесь правверными — на том свете (Ахырсте) будете спокойны и обеспечены хорошими местами... вы попадете в рай»; оказать помощь оружием и припасами, агитацией и личным участием, жертвоприношением за что вы будете вознаграждены и «... подарена богом хорошая загробная жизнь» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 474. Л. 1–6].

Политическая платформа повстанцев, их религиозная и агитационно-пропагандистская деятельность, лозунги и фрагменты устной истории на основе материалов ведомственных архивов, сопровождающие вооруженные отряды, еще не стали предметом детального анализа в историографии. Выявленные в различных фондах документальные источники позволили изучить роль и место религиозного фактора, проанализи-

ровать повстанческую манифестацию, направленную на защиту традиционной религиозной структуры.

Крестьянская манифестация демонстрирует и отражает неосознанную ментальность поведения, о чем писала Л. Виола, т. е. к пониманию традиционного мира сельских жителей, которые «формируют элементы сопротивления, как дискурс, стратегия поведения, действия, в свою очередь находящих выражение в слухах, фольклоре, культуре, символической инверсии, пассивном сопротивлении, насилию и бунте», именно «через эти аспекты сопротивления проявляются сознание крестьянства, его ценности и верования» [Виола, 2010: 6].

Программные документы повстанческого движения можно структурировать по форме пропаганды: устная и письменная; по виду: листовки, лозунги, воззвания, письма, обращения. В нашем случае это листовки и воззвания, их эмоциональный настрой означал точку невозврата – бифуркация, разрушение их прежней жизнедеятельности дошло до критической массы. Сохранившиеся фрагменты визуальных источников Сузакского восстания, демонстрируют религиозную пропаганду. В большинстве своем повстанческое движение организовывалось под лозунгами борьбы с советской властью, «борьбы за ханство», «за казахскую власть», «газават» (священная борьба против иноверцев), против русских, против налога, государственных заготовок и коллективизации, отмены советских законов против баев. Например, организующим лозунгом в Сузакском восстании был религиозный — «Во имя ислама». Основными религиозными лозунгами повстанцев были: «За ислам», «За свободу религии». «Советская власть притесняет религию, долой ее». На знаменах арабской вязью писали: «Нет Бога, кроме Аллаха, Магомет его наместник». В призывах к повстанцам звучали слова: «Мы идем и защищаем мусульманскую религию, мы против большевиков будем долго продолжать борьбу, но все-таки Советскую власть свергнем» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 476. Л. 73.], «Бедняки, середняки ... Давайте общими силами ради Аллаха, во имя мусульманства уничтожим коммунистов». [СГА ГП РК. Ф. 214. Оп. 1с. Д. 8746. Л. 125].

Восставшие мятежники желали свободы религии, возвращения мечетей, разрешение на проведение религиозных праздников и религиозного обучения детей. Интерес представляет религиозная аргументация лидеров восстания и их призывы, суть которых можно свести к следующему: мы поднимаем вооруженное восстание ради Аллаха, давайте общими усилиями во имя мусульманства уничтожим коммунистов, мы идем защищать мусульманскую религию, Нет Бога, кроме Аллаха, Магомет его наместник.

На наш взгляд, лозунги «государственнического» характера использовались руководителями повстанческого движения по тактическим соображениям — обеспечить рост сторонников из среды образованной части населения. Действенность и эффективность религиозно-агитационной работы лидеров повстанческого движения признавали и партийные работники. Л. Идельсон отмечал, что «широкая и прекрасно поставленная провокационная работа, подогреваемая религиозным фанатизмом, привела к тому, что в выступлении участвовали широкие массы» [Насильственная... 1998: 70]. В унисон Л. Идельсону вторили и военные, принимавшие участие в подавлении вооруженного выступления в Иргизе и Приаральских Каракумах. Н. Евсеев в своей докладной записке подчеркивал: «Байство и духовенство использовало каждую ошибку, а тем более пе-

регибы и извращения политики партии для контрреволюционной агитации. Подкрепляя при этом свою агитацию Кораном, они еще больше усиливали свое влияние на бедняцко-средняцкие массы населения» [АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 41].

Несмотря на общий религиозно-агитационный подход в организации восстаний, руководители повстанцев не выработали общей единой идеологической платформы. Желание спасти ислам от советов не перешло в массовую религиозную идею, не превратилось в национальную идею казахского народа. Слишком разными оказались социальные прослойки участников протестных выступлений, их интересы и желания не совпадали. Рядовым участникам вооруженных выступлений, которые преобладали численно, были гораздо ближе интересы своей семьи, своей родовой общины, своего аула, нежели идеи создания автономного казахского ханства. Для участников повстанческих движений, прежде всего для основной массы казахских шаруа главной проблемой была не только и не столько ее бедность, они не желали лучшей доли в загробной жизни, их больше тревожил страх перед угрозой голода и голодной смерти.

Заключение.

Таким образом, религиозная политика советского государства в указанный период, направленная на насильственное прерывание хода естественно-исторического развития социально-экономических отношений в казахском традиционном обществе, привела к кризисной (конфликтной) ситуации.

Обострению социально-политических противоречий внутри общества, между властью и ее институтами и различными социальными слоями и группами способствовало множество факторов, в числе которых были ликвидация байских хозяйств, насильственная коллективизация и раскулачивание, налоговый пресс, заготовки хлеба, скота и другой сельскохозяйственной продукции и сырья, осуществляемые мерами чрезвычайного характера и обусловившие продовольственные затруднения и голод в широких масштабах, но, несомненно, огромную роль сыграл воинствующий атеизм и антирелигиозные мероприятия, вылившиеся в разрушение и закрытие мечетей, церквей, в репрессии против служителей культа.

Нарушение социальной справедливости и отсутствие средств существования породили отчаяние и ярость, «...покушение на привычные нормы сельской власти и управления, на идеалы общинной солидарности...» стали обоснованным мотивом к возмездию [Виола, 2010: 10–11].

Антирелигиозная политика властей, вылившаяся в произвол партийных и советских органов на местах в ходе закрытия мечетей, церквей и молитвенных домов, репрессии, направленные против мулл, ишанов, попов, изъятие и уничтожение религиозной литературы, а также культового имущества, вызывало резкое неприятие со стороны населения. Эти действия власти усилили социальное напряжение и явились существенным провоцирующим фактором, социальным триггером вспыхнувших в конце 1920-х — начале 1930-х гг. вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена по госзаданию по проекту «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Acknowledgments and funding

The work was carried out according to the state assignment, project «The Turkic world of the Greater Altai»: unity and diversity in history and modernity» (registry number 850000F.99.1. BN66AA04000).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алдажуманов К. С. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы : Арыс, 1998. С. 66–92.

Алешкин П. Антирелигиозная политика советского государства и протестные настроения крестьянства // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2012. № 1 (40). С. 162–165.

Алланиязов Т. К. История вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 годов в Казахстане в новейшей литературе (2001–2021 годы) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 98–115.

Алланиязов Т. К. Крестьянские выступления в Казахстане 1929–1932 гг.: опыт и проблемы изучения / под ред. Т. О. Омарбекова. Алматы : Фонд XXI век, 2002. 88 с.

Алланиязов Т. К., Таукенов А. Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 годы). Алматы : ОО «OST — XXI век», 2009. 424 с.

Алпыспаева Г., Жуман Г. Исламский дискурс в государственно-конфессиональной политике советской власти в Казахстане в 1920–1930-е гг. // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. № 1 (138). С. 7–24.

Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : РОССПЭН, 2010. 367 с.

Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии // Наука и религия. 1990. № 3. С. 41–56.

Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф. 63. Оп. 2. Д. 100.

Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 74. Оп. 1. Д. 208.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1125. Оп. 141. Д. 766.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Влияние государственно-конфессиональной политики на положение религиозных общин Алтая в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 50–56.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — М. : Магистр, 1996. 288 с.

История Казахстана (с древнейших времен и до наших дней). Алматы : Атамұра, 2010. Т. 4. 768 с.

Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001. 561 с.

Мухтарова Г. Д. Ислам в советском Казахстане (1917–1991 гг.) : дис ... д-р ист. наук. Уральск, 2007. 310 с.

Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931–1933 гг. : Сборник документов и материалов. Алматы, 1998. 263 с.

Нуртазина Н. Д. Борьба с исламом. Религиозная политика Советской власти в Казахстане в 20–40-е годы XX века. Алматы, 2008. 36 с.

Песикина Е. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М. : Типография ВПШ, 1950. 256 с.

«Первая заповедь»: Хлебозаготовки в СССР. 1931–1932 / отв. сост. В. В. Кондрашин, О. Б. Мозохин. М. : МФД, 2016. 784 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): 10-ти т. / ИРИ РАН; Центр. архив ФСБ РФ; ред. совет: Г. Севостьянов, А. Сахаров, Я. Погоний [и др]. М. : ИРИ РАН, 2001–2008.

Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области. Ф. 1. Д. 3323.

Специальный государственный архив Департамента полиции города Алматы. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1324.

Специальный государственный архив Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 463.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 470.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 472.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 475.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 474.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 476.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 477.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 527.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 551.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 552.

Тахиров Ф. Т. Пятнадцать вопросов и ответов по шариату. Душанбе: Таджик. гос. нац. ун-т, 1997. 56 с

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. : РОССПЭН, 2001. 422 с.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 30. Оп. 7. Д. 59.

ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 21. Д. 82.

Омарбеков Т. 1929–1931 жылдардағы халық көтерілістері: Зерттеу. Алматы: «Арыс» баспасы, 2018. 480 б. (на каз. яз.).

REFERENCES

Aldajumanov K. S. Krest'yanskoe dvijenie soprotivleniya [Peasant resistance movement]. *Deportirovannyye v Kazahstan narody: vremya i sud'by*. [The peoples deported to Kazakhstan: time and fate]. Almaty, 1998. P. 66–92 (in Russian).

Aleshkin P. Antireligioznaya politika sovetskogo gosudarstva i protestnyye nastroyeniya krest'yanstva [Anti-religious policy of the Soviet state and the protest sentiments of the peasantry]. *Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tehnologii*. [Industry: economics, management, technology]. 2012, no. 1 (40). P. 162–165. (in Russian).

Allaniyazov T. K. *Istoriya voorujennyh vystuplenii i povstancheskih dvizhenii 1929–1931 godov v Kazahstane v noveishei literature (2001–2021 gody)* [History of armed uprisings and insurgent movements of 1929–1931 in Kazakhstan in modern literature (2001–2021)]. *Istoricheskii kur'er*. [Historical Courier] 2022, no. 1 (21). P. 98–115 (in Russian).

Allaniyazov T. K. *Krest'yanskie vystupleniya v Kazahstane 1929–1932 gg.: opyt i problemy izucheniya* [Peasant performances in Kazakhstan 1929–1932: experience and problems of study]. Almaty: Fond XXI vek, 2002, 88 p. (in Russian).

Allaniyazov T. K., Taukenov A. *Poslednij rubezh zashchitnikov nomadizma. Istoriya vooruzhennyh vystuplenij i povstancheskih dvizhenij v Kazahstane (1929–1931 gody)* [The last frontier of the defenders of nomadism. History of armed uprisings and insurgent movements in Kazakhstan (1929–1931)] Almaty: OO «OST — XXI vek», 2009. 424 p. (in Russian).

Alpyspaeva G., Juman G. *Islamskii diskurs v gosudarstvenno-konfessional'noi politike sovetской vlasti v Kazahstane v 1920–1930-e gg.* [Islamic discourse in the state-confessional policy of Soviet power in Kazakhstan in the 1920–1930s]. *Vestnik ENU im. L. Gumileva. Seriya istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*. [Bulletin of L. Gumilev Eurasian National University. Series of historical sciences. Philosophy. Religious Studies]. 2022, no. 1 (138). P. 7–24 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. *Vliyanie gosudarstvenno-konfessional'noi politiki na polozhenie religioznyh obschin Altaya v pervye gody sovetской vlasti* [The influence of state-confessional policy on the position of religious communities of Altai in the first years of Soviet power]. *Izvestiya AltGU* [News of Altai State University]. 2016, no. 4 (92). P. 50–56 (in Russian).

Ficpatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: the village]. Moscow: ROSSPEN, 2001, 422 p. (in Russian).

Istoriya Kazahstana (s drevneishih vremen i do nashih dnei) [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day) In five volumes] Almaty: Atamura, 2010, vol. 4, 768 p. (in Russian).

Ivnickii N. A. *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-h godov)* [Collectivization and dispossession (early 30s)]. Moscow: «Magistr», 1996, 288 p. (in Russian).

Kondrashin V. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolj'e v 1918–1922 gg.* [Peasant movement in the Volga region in 1918–1922] Moscow, 2001, 561 p. (in Russian).

Muhtarova G. D. *Islam v sovetskom Kazahstane (1917–1991 gg.)*: Diss. dokt. ist. nauk. [Islam in Soviet Kazakhstan (1917–1991): Diss. doc. of hist. Sci.] Ural'sk, 2007, 310 p. (in Russian).

Nasil'stvennaya kollektivizatsiya i golod v Kazahstane, 1931–1933 gg.: Sbornik dokumentov i materialov. [Forced collectivization and famine in Kazakhstan, 1931–1933: Collection of documents and materials]. Almaty, 1998, 263 p. (in Russian).

Nurtazina N. D. *Bor'ba s islamom. Religioznaya politika Sovetskoi vlasti v Kazahstane v 20–40-e gody XX veka* [The fight against Islam. Religious policy of Soviet power in Kazakhstan in the 20–40s of the XX century]. Almaty, 2008, 236 p. (in Russian).

«Pervaya zapoved'»: *Hlebozagotovki v SSSR. 1931–1932* [«The First Commandment»: Grain procurements in the USSR. 1931–1932]. Otv. sostavitel' V. V. Kondrashin. Moscow: MFD, 2016, 784 p. (in Russian).

Pesikina E. I. *Narodnyi komissariat po delam natsionalnosti i ego deiatelnost v 1917–1918 gg* [People's Commissariat for Nationalities and its activities in 1917–1918.] — Moscow: Printing House of the Higher School of Economics, 1950. 256 p. (in Russian).

«Sovershenno sekretno»: *Lubyanka — Stalinu o položenii v strane (1922–1934 gg.): 10-ti t.* [«Top Secret»: Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934): 10 volumes]. IRI RAN; Centr. arhiv FSB RF; red. sovet: G. Sevost'yanov, A. Saharov, YA. Pogonii [i dr.], Moscow: IRI RAN, 2001–2008. (in Russian).

Tahirov F. T. *Pyatnadcat' voprosov i otvetov po shariatu* [Fifteen questions and answers on Sharia]. Dushanbe: Tadjik. gos. nac. un-t., 1997, 56 p. (in Russian).

Viola L. *Krest'yanskii bunt v epohu Stalina: Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the era of Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 367 p. (in Russian).

Vishnevskii A. *Kak eto delalos' v Srednei Azii* [How it was done in Central Asia]. *Nauka i religiiia* [Science and Religion]. 1990, no. 3. P. 41–56 (in Russian).

Omarbekov T. *1929–1931 zhyldardazy halyk keterilisteri: Zertteu* [1929–1931. popular uprisings in the hills: a study]. Almaty: «Arys» baspasy, 2018, 480 p. (in Kazakh).

Статья поступила в редакцию: 20.03.2024

Принята к публикации: 25.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024